

Вертинский Александр

№ 23, 1993

Юный Саша Вертинский, мальчик с большими амбициями, не найдя признания в родном Киеве, решил отправиться в Москву. Он мечтал о славе, всеобщем признании, хотя и не решил точно, на каком поприще они к нему придут.

Шел 1910-й год. Москва пила, пела, веселилась. Саша довольно быстро привык к этому веселому угару, оказавшись в среде богемной молодежи. Каждый считал себя гением и каждый писал стихи и полагал, что лучше всех разбирается в искусстве.

Купеческие дочери в ту пору посещали женские курсы в надежде чему-то научиться. Девушки позатейливее душились духами «вырви глаз», курили папиросы, стриглись «под мальчика» и капали в глаза расширяющий зрачок атропин.

Молодые актеры, так же как и Вертинский приехавшие в Москву пытаться счастье, по конкурсу допускались в массовку Художественного театра. Высшим достижением считалось сыграть роль шарманщика в третьем акте «Грех сестер», чтобы на утренней репетиции услышать из уст самого Станиславского:

«Вчера вы неискренне встряхнули шарманку... Декадентский стиль в литературе становится преобладающим. Его образчик - брюсовская строка: «О, закрой свои бледные ноги...», пародируемая Сашей Черным: «Бледно-русые ноги свои!» И вполне естественно, что в этом обществе и в этих условиях проявлялось пристрастие к кокаину.

Сначала он свободно продавался в аптеках - в баночках по одному грамму. Стоил по тем временам не слишком дешево - полтинник. Затем перешел в разряд запрещенных, требовалось предъявить рецепт. Кокаин стали продавать с рук, в десять раз дороже, часто его смешивали с зубным порошком.

Его клали на гусиное перышко-зубочистку и засовывали глубоко в ноздрю, втягивая порошок, как табак. Первая понюшка приносила сознание восторженности, удивительной ясности сознания, но длилось это не больше десяти минут. Хотелось повторить, но эффект оказывался гораздо слабее. Увеличивалась доза. Все больше, больше... и чаще. В конце «сеансов» кокаинистов обуревало желание доставить себе физическую боль. Они кусали себе губы, и узнать их было довольно просто: смертельно-белая кожа лица с

жарко-вишневым, припухшим ртом, мутные глаза, зеленовато-черные зубы. Пристрастившись к кокаину уже не могли есть и бродили, шатаясь, как тени. Изредка их организм принимал спиртное, самое крепкое. Коньяк и водка были своего рода противоядием, но силы воли наркоманам хватало ненадолго: люди сходили с ума, страдали от боязни замкнутого пространства, мании преследования.

Однако кокаин оставался в моде. Его носили с собой: мужчины - в пузырьках, женщины - в пудреницах. Просили друг у друга, как теперь - сигаретку. «Одолжайтесь!»

Александр Николаевич Вертинский... Кто не знает его песен? И кто не слышал о его судьбе, трагической и горькой? Бурная молодость, долгие годы эмиграции, возвращение на родину, где в тысячах домов слушали пластинки с его песнями, но где официального признания он так и не получил... В рассказах о Вертинском вымыслы тесно переплелись с реальными фактами. Например, многие считали и считают его наркоманом. Был ли он им на самом деле? Чтобы ответить на этот вопрос, нам потребуется вернуться на несколько десятилетий назад.

Кокаин для Александра Вертинского

«Говорили угощавшие. И молодежь угощалась. Угощался и Саша Вертинский... Он быстро привык к нему. «Сел» на большую дозу. Наркотик требовал денег, которые никак не хотели появляться. Как-то раз, зайдя к приятелям в «Частный балет» Марьи Александровны Арцыбушевой (ныне там помещается Театр юного зрителя), Саша получил довольно агрессивное приглашение на работу.

«Что вы шлетеесь без дела, молодой человек?» - заметила грозная Марья Александровна. «Шли бы лучше в актеры, ко мне в театр!» И хотя Вертинский до смерти боялся Арцыбушеву, однако принял предложение из-за обещанных бесплатных обедов и возможных доходов в будущем.

Пародируя модные танцы, Вертинский получил кой-какую известность и вытребовал себе зарплату аж в 25 рублей, которую до копейки просаживал на кокаин. Как ни парадоксально, благодаря этой пагубной страсти Вертинский сделал первый шаг к своему грядущему успеху...

В Москве Саша снимал комнату вместе со своей любимой сестрой Надей. Она тоже нюхала кокаин. В своих воспоминаниях Александр Николаевич пишет о долгих ночах, когда, сидя вдвоем на диване, они вдыхали этот проклятый порошок и плакали, вспоминая свое детство, рано умершую мать.

Под утро, когда все аптеки были уже закрыты, они шли в ночную чайную у Петровских ворот, где гуляли проститутки и извозчики. Шли, чтобы купить еще кокаина. Наркотик все сильнее брал над ними власть. И все чаще Александр бродил по улицам один. Где Надя? Он этого даже не помнил. Не знал.

Однажды, выглянув утром в окно, он увидел, что мостовая внизу усеяна пустыми аптечными пузырьками. Впервые ему стало страшно. Он понял, что сходит с ума, и отправился просить помощи к знакомому психиатру.

Подойдя к остановке трамвая, он явственно увидел, как бронзовый Пушкин сошел с постамента

и направился вслед за ним. «Не может этого быть!» - мелькнула трезвая мысль в голове Вертинского. Пушкин тем временем зашел на заднюю площадку трамвая и копался в карманах, разыскивая мелочь. Наконец поэт вынул старинный медный пятак. «Александр Сергеевич, - тихо заметил Вертинский. - Кондуктор не возьмет этих денег. Они не в ходу». «Ничего, у меня возьмет», - усмехнулся Пушкин...

Это было невероятно. Вертинский в полуобморочном состоянии сошел на Арбате, Пушкин поехал далее... Психиатр принял Сашу без притязаний, обыскал, выбросил коробочку кокаина, обнаруженную при досмотре, пригрозил двумя годами «лечения» в психиатричке. Приговор был категоричен: «Немедленно оставьте кокаин, и чтоб я вас больше не видел!»

Шел сентябрь 1913 года. Вертинский благополучно провалился на конкурсе в Художественном театре и волей случая попал в Морозовский госпиталь. Там он ухаживал за больными, делал довольно сложные перевязки и даже ездил на санитарном поезде «Москва - фронт - Москва».

Увлеченный трудной работой, Вертинский как бы отринул всю прошлую жизнь, а вместе с ней не только кокаин, но и сестру Надю. Одна из медсестер сказала ему как-то:

- Ты знаешь, говорят, твоя сестра умерла.
- Умерла? Где?
- В Москве. В гостинице. Легла в кровать, закрыла двери и приняла сразу несколько граммов кокаина...

«Это была смертельная доза. Ни названия гостиницы, ни кладбища, ни могилы - Вертинский навсегда потерял след своей сестры.

Когда Александр закончил тяжелую службу в госпитале, на его счету было тридцать пять тысяч перевязок. В своих воспоминаниях он так напишет об этом:

«Кто это? - спросил Господь Бог, когда ему докладывали о делах человеческих.
- Да так... актер какой-то, - ответил дежурный ангел. - Бывший кокаинист.

Господь задумался.
- А как фамилия?
- Вертинский.
- Ну раз он актер и тридцать пять тысяч перевязок сделал, помножьте все это на миллион и верните ему в аплодисментах».

К тому времени Вертинский наконец нашел свое амплу, стал пользоваться популярностью, его концерты проходили с большим успехом. Он пел в маленьком зале человек на триста и так боялся публики, что его грим напоминал маску: очень много белил плюс ярко накрашенные губы. Женщины были в восторге, забрасывали цветами. Мужчины чаще всего недоумевали: «Что вы находите в этом порочном кокаинисте?!»

Однажды в Киеве на концерте какой-то педагог закричал: «Молодежь! Не слушайте его! Он зовет вас к самоубийству!» Репертуар Вертинского действительно трудно было назвать оптимистичным: «Крошка-малютка безногая пыльной дорогой ползет», «Ваши пальцы пахнут ладаном», «Вы найдете последний астральный покой».

С особым раздражением часть слушателей восприняла песенку «Кокаинетка» на слова Агатова: «Так не плачьте! Не стоит, моя одинокая деточка, кокаином распятая в мокрых бульварах Москвы!»

Но кому, как не Вертинскому, самому прошедшему все круги кокаиновой ада, было исполнять эту песню?

Раз и навсегда отказавшись от наркотиков, Вертинский тем не менее пользовался успехом у законченных наркоманов. Однажды ночью на пороге его квартиры появились два элегантных офицера, настойчиво приглашая посетить его превосходительство генерала Слещова. Все отговорки были напрасны. Вертинского отвезли на вокзал, где в вагоне пировал генерал со свитой.

Слещов поднялся навстречу Вертинскому: «Я ваш большой поклонник. Вы поете о том, что мучает нас всех. Кокаину хотите?» Посреди стола, залитого вином, стояла большая круглая табакерка, в руках у присутствующих были знакомые перышки-зубочистки.

Артист отказался от «угощения». Тогда генерал попросил Вертинского спеть «То, что я должен сказать» (сейчас под названием «Я не знаю, зачем и кому это нужно...») с успехом исполняет Гребенщикова).

Слещов кусал губы, глядя мутными глазами куда-то внутрь себя. «Вам не страшно? - неожиданно спросил он Вертинского. - С вашей песней, милый, мои мальчики шли умирать!» Александр Николаевич тяжело вздохнул. Его отвезли домой, принесли извинения за то, что потревожили среди ночи.

Позже он не раз встречался со Слещовым в эмиграции. Генерал тосковал по родине, уговаривал Вертинского вернуться. Вскоре Слещов уехал в Россию и через несколько лет был убит рабочим, братом одного из тех, кого по его приказу повесили в Джанкоес.

«...Вот, пожалуй, и вся правда о «наркомане и растлителе молодежи» Александре Вертинском, о котором мы, в сущности, знаем очень мало. Но его трогательные песни-новеллы, несмотря на кажущуюся простоту и незатейливость, уже долгие десятилетия владеют душами слушателей. И это, наверное, и есть истинная биография артиста.

Татьяна АРЕФЬЕВА

ПЕЧАЛЬНЫЙ ПЪСЕНКИ А. Н. ВЕРТИНСКАГО

1. Минутка	1178	1	25	9. Оливковое сердце	1178	1	25
2. Мелодия	1178	1	25	10. Шел, шел, шел, шел, шел	1178	1	25
3. Песня - трижды	1178	1	25	11. Письмо	1178	1	25
4. Звонкий метр	1178	1	25	12. И сегодня, как и всегда	1178	1	25
5. Песня о любви	1178	1	25	13. Песня о любви	1178	1	25
6. Песня о любви	1178	1	25	14. Песня о любви	1178	1	25
7. Песня о любви	1178	1	25	15. Песня о любви	1178	1	25
8. Песня о любви	1178	1	25	16. Песня о любви	1178	1	25

